

о себѣ того не могу сказать. Общанное къ Коренной (ярмаркѣ) не будетъ готово прежде августа мѣсяца. Простите, Бога ради, и не поѣзжайте на меня. Мои дѣла и непредвидѣнные обстоятельства заставили пробыть въ Санктпетербургѣ много болѣе, нежели я полагалъ, и въ Москву я возвратился лишь въ исходѣ марта, т. е. къ Благовѣщенію. Теперь все ваше дѣло въ ходу и работается усердно, но я разсудилъ, — чѣмъ снѣшить кое-какъ, лучше не пожалѣть старанія и, по общанію, отлично сдѣлать. На дняхъ явятся въ Курскъ мастера, чтобы кивотъ ставить *) вчернѣ, которымъ, по выносѣ Иконы въ Коренную, дозвольте приступить къ своему дѣлу. Надѣюсь, что если опаздаю я, то услужу другой исправностью, т. е. отличнымъ дѣломъ въ работѣ. Еще разъ, Бога ради, простите, если я сдѣлался невольно помѣхой въ болѣе блистательномъ празднествѣ, при выносѣ Иконы“.

Однако и въ августѣ графу Потемкину не удалось выполнить заказъ. Онъ 14 сентября писалъ: „Благодарю искренне за снисхожденіе къ моимъ неисправностямъ и за любовное терпѣніе, но врядъ ли я не заслужу вашего сѣтованія. Скоро говорится, не скоро дѣлается. Хотя за вашими серебряными — бронзовыми вещами работаютъ 15 человѣкъ, но рѣшительно прежде января не поспѣютъ; за рѣзьбою и позолотой работаютъ 8 отличнѣйшихъ мастеровъ, кромѣ столарства и тѣ врядъ ли поспѣютъ, какъ видится, прежде марта или апрѣля. Завѣряю, что бронзовую работу въ серебрянни не узнаютъ и не отличать отъ серебряной работы, кивотную также сдѣлаютъ самымъ наилучшимъ образомъ“. Относительно кивота, въ другомъ письмѣ графъ Потемкинъ писалъ: „Не подумайте, чтобы я се-

*) Т. е. установить на назначенномъ мѣстѣ.